

Демин И.В. Критика историзма в философской концепции Лео Штрауса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 3, с. 22–36.

УДК 930.1

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.3.2236

КРИТИКА ИСТОРИЗМА В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛЕО ШТРАУСА¹

Илья Вячеславович Демин

доктор философских наук,
доцент кафедры философии и истории
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева,
г. Самара. E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Материал поступил в редколлегию 17.11.2016 г.

В статье исследуются мотивы и основания критики историзма в философской концепции Лео Штрауса. Выявлены и упорядочены основные аргументы, выдвинутые Штраусом против принципа историзма. Все возражения Штрауса разделены на две группы. К первой отнесены те аргументы, которые оспаривают не само содержание принципа историзма, но приписываемое ему значение в контексте философского и научного познания. Во вторую группу сведены содержательные возражения против историзма. Штраус проводит сравнительный анализ различных версий историцистской философии, выявляет их общий знаменатель, прослеживает генезис историзма как культурно-исторического релятивизма. Сердцевину всякой историцистской концепции составляют презумпция исторической обусловленности философии и констатация невозможности универсальных ответов на философские вопросы. Историзм рассматривается Штраусом в качестве вызова, с которым столкнулась современная философия. Ключевую роль в разложении классической философской традиции и становлении историцистских концепций, согласно Штраусу, сыграла утвердившаяся в Новое время идея прогресса. Проблема соотношения философии и истории, философского и исторического типов познания является ключевой для понимания сущности историзма. Позиция историзма здесь заключается в постановке философских вопросов в историко-философском и историческом аспектах. Штраус в решении проблемы соотношения философии и истории опирается по преимуществу на классическую философскую традицию, однако он учитывает и опыт критики историзма в таких неклассических философских направлениях, как неокантианство, феноменология, критический рационализм. Штраус собирает воедино все основные возражения и аргументы, которые высказывались против историзма представителями различных философских течений XX в. Собственный вклад Штрауса в критику историзма заключается в доказательстве тезиса о том, что данный принцип не может иметь исторического и эмпирического обоснования, но представляет собой внутренне противопо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

речивую философскую установку. Штраус убедительно аргументировал свою точку зрения, согласно которой позиция историзма не может быть опровергнута историческими фактами и аргументами, она может быть лишь отвергнута во имя какого-то иного (не менее фундаментального, чем историзм) философского принципа.

Ключевые слова: историзм, историцизм, история, философия истории, релятивизм, классическая философия, Лео Штраус.

В европейской философии XX в. представлены различные стратегии критики историзма. Среди наиболее известных критиков историзма следует назвать Г. Риккерта [Риккерт 1998], Э. Гуссерля [Гуссерль 2005], К. Поппера [Поппер 1993], С.Л. Франка [Франк 1992], К. Ясперса [Ясперс 1991].

Множественность стратегий критики историзма связана, во-первых, с многогранностью данного явления, а во-вторых, с наличием нескольких различных трактовок принципа историзма («романтический» историзм, гегелевский историзм, марксистский историзм, неклассический историзм Б. Кроче и Р. Дж. Коллингвуда, герменевтический историзм М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера) [Демин 2016а: 114-148].

Критика историзма велась с позиций неокантианского трансцендентализма (Г. Риккерт), феноменологии как строгой науки (Э. Гуссерль), критического рационализма (К. Поппер, Ф. фон Хайек [Демин 2016с]), русской философии всеединства (Л.П. Карсавин, С.Л. Франк [Демин 2015b]). Стратегии критики историзма, представленные в различных философских течениях XX в., направлены на выявление общего знаменателя основных трактовок историзма. Важное место в этом ряду занимает Лео Штраус, который проанализировал генезис историцистских идей в новоевропейской философии и осуществил всестороннюю критику историзма, исходя из позиций классической философской традиции и естественноправовой теории.

Штраус и в России, и на Западе известен, главным образом, как политический мыслитель, возродивший традицию классической политической философии [Janssens 2008; Norton 2004; Pangle 2006; Smith 2006], и как один из теоретиков неоконсерватизма. Философско-исторические взгляды Штрауса изучены в меньшей степени, а между тем именно трактовка истории и принципа историзма во многом определяет своеобразие его политической философии.

Прежде чем перейти к анализу основных аргументов, выдвигаемых Штраусом против историзма, кратко остановимся на проблеме различения понятий «историзм» (нем. *Historismus*) и «историцизм» (нем. *Historizismus*).

Существует несколько подходов к разграничению этих терминов. Один из них представлен в советской философии. Термин «историзм» использовался советскими исследователями для обозначения марксистского видения общества и истории, тогда как термин «историцизм» применялся по отношению к «буржуазным» концепциям истории неклассического типа (В. Дильтей, О. Шпенглер, Р.Дж. Коллингвуд).

В отличие от «историзма» термин «историцизм» в философии XX в. имеет почти исключительно негативную смысловую нагрузку [Филатов и др. 2007: 156], однако четкое разграничение этих терминов так и не было

проведено не только в английской и французской, но и в немецкой философии. Например, Эдмунд Гуссерль, один из первых критиков историзма, в работе «Философия как строгая наука» (1911) использует термин *историцизм* для обозначения методологической установки, согласно которой философские и научные истины рассматриваются как *всецело* исторически и культурно обусловленные. Наиболее последовательное выражение данной позиции Гуссерль усматривал в «философии жизни» Дильтея. Генрих Риккерт в «Философии истории» (1907) определяет философскую позицию Дильтея не как *историцизм*, но как *историзм* [Риккерт 1998]. Это же относится и к фундаментальному исследованию Эрнста Трельча «Историзм и его проблемы», датируемому 1922 г. [Трельч 1994]. С.Л. Франк в своем труде «Духовные основы общества» (1930) также использует термин «историзм» (в качестве синонима *исторического релятивизма*) [Франк 1992].

Термин «историзм» обладает гораздо более широким спектром значений, нежели «историцизм». Все многообразие вариантов употребления последнего, в конечном счете, укладывается в две основные схемы: одна из них была намечена Гуссерлем в программной статье «Философия как строгая наука», другая – К.-Р. Поппером в работах «Открытое общество и его враги» (1945) и «Нищета историцизма» (1957). Примечательно, что эти две ведущие стратегии критики историцизма *диаметрально противоположны* по своей направленности. Если у Гуссерля мишенями критики становятся релятивизм и скептицизм, то Поппер, напротив, разоблачает универсалистские притязания историцизма. Если историцизм в гуссерлевской его интерпретации является констатацией невозможности общезначимой истины, то в концепции Поппера историцизм порицается за его необоснованные претензии дать целостную и завершенную картину человеческой истории, включающую в себя знание о прошлом, настоящем и будущем всего человечества. Если Гуссерль философским основанием историцизма полагает антисубстанциализм и антиплатонизм, то Поппер, напротив, отождествляет историцизм с эссенциализмом и холизмом, объявляя «историцистами» Платона, Гегеля и Маркса. Как видим, термин «историцизм» используется для обозначения двух противоположных философских позиций. В марксистской традиции то, что Поппер определял как «историцизм», именовалось *историзмом*. Учитывая все сказанное, в ходе дальнейшего изложения мы будем использовать термины «историзм» и «историцизм» в качестве синонимов.

В чем усматривает Штраус сущность историзма? Сложность ответа на этот вопрос заключается в том, что термин «историзм» (*Historismus*) используется в текстах Штрауса при описании двух различных установок. Одну из них можно условно обозначить как «наивный историзм», другую – как «критический историзм». В самом общем смысле различие между этими двумя типами историзма сводится к тому, что наивный историзм претендует на статус универсального принципа человеческого мышления, а историзм критический позиционируется как выражение духа определенной (современной) исторической эпохи. Первый тип историзма представлен гегелевской историософией, философией немецкого романтизма, исторической школой права. Критический историзм присущ, главным образом, экзистенциально-

герменевтической философии XX в., проявляясь, прежде всего, в философских построениях Хайдеггера и Гадамера. Штраус выдвигает различные критические аргументы в зависимости от того, о каком типе историзма идет речь.

1. Что такое историзм? Историзм, согласно Штраусу, не является лишь одной из многочисленных философских школ современности, историзм – это «мощная движущая сила, оказывающая влияние на всю современную философскую мысль» [Штраус 2000: 103]. В определенном смысле историзм есть выражение духа современной эпохи: «В той степени, в которой мы вообще можем говорить о духе времени, мы с уверенностью можем утверждать, что историцизм – это дух нашего времени» [Штраус 2000: 103]. Историзм создает новую ситуацию для философии вообще и для политической философии в частности.

Историзм рассматривается Штраусом в качестве *вызова*, с которым столкнулась современная философия. Своей высшей точки историзм, согласно Штраусу, достигает в европейском (германском) *нигилизме*. В статье «Германский нигилизм» [Штраус 2013] Штраус отмечает, что проистекающая из историцистской философии идея культурно-исторической обусловленности науки является *нигилистической* по своей сути: «Кто бы ни признавал, к примеру, идею нордической, германской или фаустовской науки, тем самым он как минимум отвергает саму ее идею. Различные “культуры” могут создавать различные виды “науки”, но лишь один из них может быть подлинным, может быть Наукой» [Штраус 2013: 195].

Сущность историзма заключается не в том, что он ставит под вопрос ту или иную философскую систему, но в том, что он исключает возможность существования философии как таковой. Штраус исходит из наличия в истории философии фундаментальных проблем, которые «...сохраняют свою идентичность при всех исторических изменениях, как бы они ни затмевались временным отрицанием их значения и как бы ни были изменчивы или предварительны все человеческие решения этих проблем» [Штраус 2007: 37]. Сам факт констатации в истории философии универсальных проблем (таких, как, например, проблема справедливости в политической философии) освобождает человеческий ум от исторической ограниченности и возвышает мыслителя над конкретно-исторической ситуацией. Тем самым Штраус возвращается к первоначальному, сократовскому пониманию философии. Философия есть *знание о незнании* или, другими словами, осознание фундаментальных проблем и фундаментальных альтернатив их решения. В разные эпохи и разными мыслителями эти проблемы понимались и решались по-разному, воспринимались с большей или меньшей ясностью. Однако возможность усмотрения «вечных» проблем философии сама по себе уже свидетельствует о том, что человеческая мысль способна преодолеть свою историческую ограниченность.

Ориентация Штрауса на классический тип философской рефлексии отчетливо прослеживается в следующем фрагменте: «Философия возможна только в том случае, если существует некий абсолютный, или естественный, кругозор, в отличие от исторически изменяющихся кругозоров, или пещер» [Штраус 2007: 39]. Примечательно обращение Штрауса к платоновской

метафоре пещеры: философия возможна лишь в том случае, если человек *в принципе* способен выбраться из *пещеры*, трансцендировать собственную историческую обусловленность. «Человек хотя не способен к постижению мудрости или к полному пониманию целого, но способен знать, что он не знает, то есть способен к восприятию фундаментальных проблем» [Штраус 2007: 39]. Такое понимание философии предопределяет неприятие Штраусом историцизма, который стремится навсегда запереть человеческий разум в *пещере* исторической эпохи или культуры.

Суть историцизма Штраус видит в невозможности сохранить различие между собственно *философскими* и *историческими* (и культурологическими) вопросами. Различие между *философией* и *историей философии* было конститутивным и основополагающим для всей классической философской традиции. Первым, кто продемонстрировал относительность этого различия, обосновав сущностное единство философии и истории философии, был Гегель. Философ в своих историософских построениях, как известно, исходил из идеи «конца истории», рассматривая собственную историческую эпоху как «абсолютный момент, конец значимого времени» [Штраус 2000: 97]. Признавая историческую обусловленность всякой философской системы прошлого (каждое философское учение есть выражение духа той или иной эпохи), Гегель делал исключение для собственной философской системы. Он, по словам Штрауса, «примирил “открытие Истории” ... с философией в изначальном значении слова» [Штраус 2000: 134]. Именно с Гегеля начинается триумфальное шествие историцизма, хотя предпосылки для «открытия истории» в новоевропейской философии складывались, согласно Штраусу, на протяжении XVII–XVIII вв.

Штраус выделяет два исходных предположения, на которых базируется всякая историцистская доктрина: 1) несводимость исторической реальности к природному бытию и 2) отсутствие в истории «естественных» и самоотждествленных феноменов, доступных для объективного познания, аналогичного познанию естественнонаучному.

1. История рассматривается в историцизме как особый *бытийный регион*, отличный от природы [Демин 2015а: 44–50]. Сторонник историцизма исходит из непреодолимой границы между миром истории и миром природы. История понимается как несводимый к природе универсум, который невозможно объяснить средствами естественнонаучного познания [Штраус 2000: 105]. Историцизм открывает историю в качестве особого *измерения действительности*, тем самым делая возможным существование такой области знания, как *философия истории*.

2. Любая сознательная реконструкция исторического события или философского учения прошлого неизбежно приводит к значительной модификации реконструируемого. Это связано с тем обстоятельством, что каждое учение сущностно соотносится с определенной исторической ситуацией и эпохой [Штраус 2000: 105]. В этом смысле переписывание истории мысли *имманентно* самой истории мысли и является ее неотъемлемым структурным компонентом.

Сердцевину всякой историцистской концепции составляет презумпция исторической (культурно-исторической) обусловленности всякой философской системы. Так, например, в области политической философии, которая

всегда приоритетно интересовала Штрауса, разнообразие противоречащих друг другу и даже взаимоисключающих концепций с точки зрения историзма должно рассматриваться как *следствие* разнообразия исторических и политических ситуаций. С позиций историзма та или иная конкретная версия политической философии, порожденная определенными историческими условиями, не может претендовать на универсальную значимость.

Наиболее последовательные историцисты полагают, что универсальные вопросы традиционной философии не могут быть не только решены, но даже *поставлены*. Это связано с тем обстоятельством, что исторически обусловленными являются наряду с *ответами* и сами *вопросы*. Принцип историзма требует признать историчность и каждого отдельно взятого философского учения, и *философии как таковой*: «Поскольку универсальные вопросы традиционной философии не могут быть отброшены без отказа от самой философии, то она сама и сами ее универсальные вопросы “исторически обусловлены”, то есть сущностно соотносятся с определенным “историческим” типом, например с западным человеком или с греками и их интеллектуальными преемниками» [Штраус 2000: 105]. Историзм, таким образом, неизбежно входит в противоречие с самой идеей философии. Речь идет о противоречии между претензией философии на внеисторическое постижение истины и ее неизбежной исторической обусловленностью.

Согласно историзму ни один ответ на универсальный философский вопрос не может иметь универсальной значимости и не является окончательным. Однако, провозглашая этот тезис, сторонники историзма, как уже неоднократно отмечалось в философии XX в., впадают в противоречие, полагая невозможность разрешения философских вопросов в качестве *универсальной и внеисторической истины*. «Только при одном условии, – отмечает Штраус, – историцизм мог бы претендовать на то, что он порвал со всеми претензиями на окончательность, если бы он представил историцистский тезис не просто как истинный, но как *истинный лишь на время*» [Штраус 2000: 116] (курсив мой. – И.Д.). Речь идет о том, что сторонник историзма должен осознать историческую обусловленность не только точки зрения классической (неисторической) философии, но и собственной точки зрения, иными словами, «историцизм должен быть применен к самому себе» [Штраус 2000: 116].

Как указывает Штраус, «если историцистский тезис верен, то мы не сможем избежать того вывода, что этот тезис “историчен” или действителен, в силу своей многозначности, только для особой исторической ситуации» [Штраус 2000: 116]. Наивный, или догматический, историзм, таким образом, трансформируется в историзм *критический*, который более не претендует на статус универсального принципа и окончательной истины. Будучи историзированным, принцип историзма оказывается соотнесенным уже не с человеческим бытием как *таковым*, но лишь с условиями существования *современного* человека. Такая трансформация историзма допускает и даже подразумевает, что «...он будет заменен в свое время позицией, которая не является более историцистской» [Штраус 2000: 117]. Одно из важных направлений критики историзма в философии Штрауса, таким образом, заключается в *деуниверсализации* этого принципа.

2. Идея прогресса и генезис историзма. Историзм и классическая философия. Особое внимание Штраус уделяет вопросу о происхождении принципа историзма в новоевропейской философии, генезисе «идеи истории». Противопоставление двух типов философской рефлексии, классической неисторической философии и историзма Нового времени, проходит красной нитью сквозь все рассуждения Штрауса о политической философии и естественном праве.

Ключевую роль в разложении классической философской традиции и становлении историцистских концепций сыграла утвердившаяся в новое время *идея прогресса*. Суть ее в том, что следующее (*next*) считается более зрелым и совершенным, чем предыдущее. Штраус отмечает, что, поскольку историзм появляется позже, чем неисторичная политическая философия, у некоторых мыслителей складывается обманчивое впечатление, будто «сама история вынесла решение в пользу историцизма» [Штраус 2000: 107]. В основе этого заблуждения лежит ничем не подкрепленная вера в неизбежность и неуклонность прогресса.

Прогрессистские теории XVIII и XIX вв. (французские просветители, Гегель, Конт) рассматриваются Штраусом как важнейший этап на пути становления современного историзма. Вера в прогресс «...стоит на полпути между неисторическим взглядом философской традиции и историцизмом» [Штраус 2000: 111], а «...“рационализм” XVII и XVIII столетий был в основе своей куда более “историчным”, нежели “рационализм” до-современной эпохи» [Штраус 2000: 114]. Главное сходство прогрессистских теорий исторического развития с классической философской традицией, представленной философскими системами Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, заключается, по мнению Штрауса, в признании неизменных (субстанциальных) и универсально значимых критериев, не требующих и не предполагающих *исторического* и эмпирического обоснования. В то же время прогрессистские теории всемирной истории отклоняются от классической философской традиции в том, что постулируют «...поступательное движение мышления и институтов по направлению к порядку, полностью согласующемуся с определенными универсальными требованиями человеческого величия» [Штраус 2000: 111]. Ключевая роль в движении от классического субстанциализма к историзму принадлежит Гегелю, который осуществил «синтез» философии и истории.

Сторонники историзма, продолжая начинание французских просветителей и Гегеля, делают следующий шаг на пути дальнейшего разрыва с классической философской традицией. Представители раннего историзма (немецкая историческая школа) подвергли прогрессистские теории *исторической* (но не философской) критике. Они показали, что прогрессистский взгляд на историю «...основывался на совершенно недостаточном понимании прошлого» [Штраус 2000: 111]. В контексте прогрессистских схем прошлое не может быть понято само по себе, оно может быть осмыслено лишь как *подготовка к настоящему*. В рамках такого подхода философские системы прошлого оцениваются в свете более поздних открытий и изобретений, их значение определяется их «вкладом» в современное миропонимание.

«Понимать мыслителей прошлого лучше, чем они сами себя понимали» – такова господствующая установка прогрессизма.

Позитивное значение историзма Штраус усматривает в том, что вера в прогресс и идея прогресса были подвергнуты обоснованной исторической критике, главным мотивом которой было стремление к адекватному осмыслению прошлого. Однако историзм первой половины XIX в., направленный против просвещенческой идеи прогресса, в ходе дальнейшего развития был заменен не неисторической философией, но более изощренной и радикальной формой историцизма. Штраус не приводит примеров «радикального историзма»; впрочем, можно обоснованно предположить, что речь идет об историцистских концепциях Дильтея, Шпенглера, Кроче, Коллингвуда и (с некоторыми оговорками) Гадамера [Демин 2015с: 36-55]. Историзм здесь приобретает черты *исторического релятивизма*. «Типичный историцизм XX века настаивает на том, что каждое поколение по-своему истолковывает прошлое, основываясь на своем собственном опыте и с прицелом на свое собственное будущее» [Штраус 2000: 104]. Это уже не созерцательный, но «активистский» историцизм [Штраус 2000: 104]. Главный тезис активистского историцизма заключается в том, что история всякий раз неизбежно переписывается в свете настоящего и в связи с проектами будущего.

Штраус полагает, что современный историцизм (исторический релятивизм), отрицая прогрессистские схемы всемирной истории, господствовавшие в европейской философии истории XVIII и XIX вв., генетически восходит именно к этим схемам. Сторонники современного историзма часто обвиняют представителей классической неисторической философии и носителей идеи прогресса в догматизме. Штраус отвергает это обвинение, замечая, что философ-историцист «не менее, а куда более догматичен, чем средний философ прошлого» [Штраус 2000: 115].

Осознание философом-историцистом собственной исторической обусловленности само по себе не является аргументом в пользу того, что «... его философская рефлексия стоит на более высоком уровне, нежели у философов, особо не озабоченных своей исторической ситуацией» [Штраус 2000: 115]. Штраус склонен полагать, что современный сторонник историзма «...куда более подвержен убеждениям и “течениям”, господствующим в его веке, и захвачен ими» [Штраус 2000: 115] именно в силу того, что он отказался от намерения смотреть на вещи *sub specie aeternitatis*. Таким образом, историзм нельзя оценивать как более высокий уровень философской рефлексии по сравнению с «наивной» классической неисторической философией.

3. Аргументы и возражения Штрауса против историзма. Остановимся теперь на основных аргументах Штрауса против историзма, понятого как исторический релятивизм. О некоторых возражениях мы уже упоминали в ходе рассмотрения трактовки сущности и генезиса историзма в политической философии Штрауса. Все возражения Штрауса против историзма можно условно разделить на две группы. К первой следует отнести те аргументы, которые оспаривают не само содержание принципа историзма, но приписываемое этому принципу значение в контексте

философского и научного познания. Вторую группу составляют содержательные возражения против историзма.

1.1. Первое и наиболее формальное возражение заключается в том, что *историзм не может приниматься как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное, не нуждающееся в обосновании.*

Признавая относительную правоту *критического историзма*, Штраус полагает, что так называемое открытие Истории в европейской философии Нового времени было не столько *открытием*, сколько *изобретением*. Если исходить из того, что история (историчность) является исходным и фундаментальным измерением человеческого бытия, которое долгое время ускользало от внимания классической философской мысли, это неизбежно приведет к крайнему историзму, к историческому релятивизму. Выдвигнув тезис, что историзм не есть что-то само собой разумеющееся, Штраус формулирует следующий вопрос: «Не было ли то, что приветствовалось в XIX веке как открытие, на самом деле изобретением?» [Штраус 2007: 37-38]. Вопрос этот, по существу, является риторическим, поскольку положительный ответ на него предопределен всем ходом рассуждений Штрауса.

Окончательное утверждение принципа историзма в европейской философии, как известно, связано с критикой гегелевской трактовки философии истории и истории философии в «философии жизни» (Ницше, Дильтей). Гегелевская историософия занимала промежуточное положение между классической (субстанциалистской) философской традицией и собственно историзмом.

Штраус показывает, что отказ от гегелевского взгляда на историю и признание правомерности дильтеевской трактовки истории философии как «анархии философских систем» не являются аргументами в пользу самоочевидности историзма: «Если “анархия систем”, демонстрируемая историей философии, что-нибудь и доказывает, то только лишь наше незнание самых важных тем (о незнании которых нам может быть известно и без историцизма), и тем самым она доказывает необходимость философии» [Штраус 2000: 107]. «Анархия философских систем» свидетельствует не в пользу самоочевидности историзма, но (косвенным образом) в пользу признания необходимости неисторической философии, философии классического типа. Штраус показывает, что историзм не представляет собой исходную предпосылку познания общества и культуры, которую следует принимать в качестве самоочевидности, к историзму необходимо подходить как к *проблеме*, которую невозможно осмыслить и разрешить *исторически*. Историзм должен быть осознан в качестве *философской* проблемы и философского вызова.

1.2. Другое возражение Штрауса сводится к тому, что *историзм не является закономерным выводом из беспристрастного изучения истории философии*. Историзм вообще не может быть обоснован *исторически*, установлен с помощью исторических свидетельств в ходе исторических исследований: «Было бы ошибкой думать, что историцизм мог бы быть результатом беспристрастного изучения истории философии, и в особенности истории политической философии» [Штраус 2000: 113]. Тезис об историчности всех способов и форм человеческого бытия, историчности философской и научной мысли,

историчности истины не следует рассматривать в качестве *исторически обоснованного* положения. Принцип исторической обусловленности философского мышления отсылает не к историческим фактам, но к определенному типу философского мышления. Исходные основания, на которые опирается историзм, оказываются ничуть не менее «спекулятивными», чем основания той или иной неисторической философской концепции.

1.3. Еще одно возражение из этой группы заключается в том, что *понимание генезиса и исторической обусловленности того или иного философского учения не исключает возможной истинности этого учения*. Согласно историзму главным содержанием историко-философского исследования должно стать *прояснение контекста*, исторических условий возникновения того или иного философского учения. Однако, как показывает Штраус, прояснение отношений между учением и историческим контекстом его возникновения само по себе еще недостаточно для вынесения суждений об истинности или ложности данного учения. Понимание генезиса и историко-культурного контекста возникновения учения, на котором настаивают историцисты, само по себе не содержит аргументов в пользу истинности или ложности данного учения. Тот факт, что каждое учение возникает в определенном контексте, «...совсем не доказывает того, что ни одно учение не может быть просто истинным» [Штраус 2000: 109].

Теперь перейдем к содержательным возражениям Штрауса против историзма. Если приведенные выше «формальные» аргументы не выдают в явном виде собственных философских симпатий Штрауса, то содержательная критика историзма осуществляется им с позиций классической философской мысли, в свете сократовского понимания философии как знания о незнании.

2.1. Первое содержательное возражение против принципа историзма может быть сформулировано следующим образом: *историзм неявно опирается на идею прогресса, которую громогласно ниспровергает*. Данный аргумент направлен по преимуществу против «наивного», или догматического, историзма и едва ли может быть применен к историзму критическому. Штраус подчеркивает, что «современная мысль во всех своих формах, прямо или косвенно, обусловлена идеей прогресса» [Штраус 2000: 120]. Под «современной мыслью» он понимает, прежде всего, различные формы историзма.

Историзм описывается Штраусом как «...гораздо более экстремальная форма новой посяторонности, чем был французский радикализм XVIII века» [Штраус 2007: 21]. Несмотря на то что в немецком романтизме и исторической школе права просветительские схемы исторического развития, основанные на вере в прогресс, подвергаются критике с исторических и идеологических (консервативных) позиций, идея прогресса здесь продолжает подспудно определять философскую мысль. Историцист убежден в превосходстве своей точки зрения над (неисторической) точкой зрения мыслителей прошлого. В этом историцизм разделяет основное заблуждение прогрессизма. Историзм является законным наследником Просвещения, хотя отвергает идею прогресса и веру в научный разум [Руткевич 2006: 17].

Признавая относительную правоту историзма, Штраус формулирует вопрос: «Почему современная философия (в отличие, например, от философии

средневековой) нуждается в историко-философских и исторических исследованиях?». Ответ кроется в том обстоятельстве, что вся современная философия прямо или косвенно обусловлена *идеей прогресса*. В этой связи Штраус говорит о необходимости установить различие между унаследованным знанием и знанием, полученным самостоятельно. В условиях господства прогрессистской парадигмы, которая дает о себе знать и в современном историзме, второй тип знания все более утрачивает свое ключевое значение [Штраус 2000: 120]. Противодействие этой тенденции требует от философа и ученого специального усилия по «...преобразованию унаследованного знания в подлинное посредством оживления его исходного открытия и по распознаванию подлинных и фальшивых элементов того, что претендует быть унаследованным знанием» [Штраус 2000: 120]. Задача историко-философского исследования и философской критики философских учений прошлого, с точки зрения Штрауса, как раз и сводится к «оживлению» унаследованного знания.

2.2. Следующее возражение заключается в том, что *принцип историзма не позволяет обосновать возможность адекватного понимания прошлого*. Это возражение выдвигается Штраусом в ходе рассмотрения вопроса о критериях адекватной интерпретации философских учений прошлого. Упрек в неадекватной интерпретации исторических событий и текстов, на первый взгляд, может вызвать недоумение, поскольку именно сторонники историзма всегда отстаивали идею самоценности прошлого и предостерегали от соблазна видеть в нем только «ступень» на пути к настоящему. Тем не менее тезис о том, что адекватное понимание прошлого (в том числе и философских учений прошлого) возможно только на основе историзма, ставится Штраусом под сомнение.

Какая интерпретация учений прошлого может считаться адекватной? С точки зрения Штрауса, ответ на данный вопрос может быть только один: «Адекватная интерпретация – это такая интерпретация, которая понимает мысль философа так же, как он понимал ее сам» [Штраус 2000: 111]. Штраус усматривает подлинную задачу историка мысли в том, чтобы понять мыслителей прошлого *так, как они понимали сами себя*, и «...оживить их мысль согласно их собственной интерпретации» [Штраус 2000: 112]. В этом же заключается и единственно возможная «объективность» в историко-философском исследовании.

Историзм, вопреки первоначальному намерению сторонников этого принципа, парадоксальным образом исключает возможность исторической точности и объективности. Историзм утверждает необходимость изучать мыслителей прошлого в *исторической* манере, тогда как сами они рефлексировали (или могли рефлексировать) себя в *неисторическом* духе. С точки зрения историциста, они просто «не осознавали» собственной историчности. Историцист же ее осознает и в этом смысле понимает мыслителей прошлого лучше, чем они сами себя понимали. Сторонник историзма убежден в своем превосходстве по сравнению с мыслителями прошлого. Однако, как подчеркивает Штраус, «наше понимание мысли прошлого может быть тем более адекватным, чем менее историк убежден в превосходстве своей точ-

ки зрения или чем более он подготовлен принять возможность того, что ему придется научиться чему-то не просто о мыслителях прошлого, а от них» [Штраус 2000: 112].

Историцисты часто ссылаются на неустранимую множественность различных (и даже несовместимых друг с другом) интерпретаций тех или иных философских учений прошлого как на аргумент в пользу безальтернативности историзма. Однако возможность различных интерпретаций любого философского учения прошлого сама по себе не свидетельствует в пользу историцизма [Штраус 2000: 112].

Таким образом, историцизм, согласно Штраусу, «...органически не способен жить согласно требованиям исторической точности, которые он, как могут сказать, открыл» [Штраус 2000: 112].

2.3. Последнее и самое фундаментальное возражение, на которое обращали внимание и другие философы XX в. (в частности, Э. Гуссерль и С.Л. Франк), заключается в указании на *самопротиворечивый* характер историзма. Историзм, будучи отрицанием универсалистских притязаний классической философии, оказывается внутренне противоречивой установкой в той степени, в которой он претендует на статус универсального принципа познания и практической деятельности.

Историзм, претендующий на статус универсального принципа, основан на *трансгисторической* точке зрения, как и любая доктрина естественного права, которую он отвергает: «Утверждая, что всякая человеческая мысль или, по крайней мере, всякая значимая человеческая мысль исторична, историзм признает, что человеческая мысль способна достигнуть некоего весьма важного соображения, которое универсально действенно и которое никак не будет задето никакими будущими неожиданностями» [Штраус 2007: 29].

Историзируя принцип историзма, Штраус предлагает рассматривать его в качестве продукта определенных культурно-исторических условий и выражения состояния умов современной эпохи. Историзм должен быть избавлен от универсалистских притязаний, только в этом случае он станет не инструментом разрушения философии и рациональности, но важным аспектом критической рефлексии как таковой.

Подведем итог. Под историзмом в философской концепции Штрауса понимается принцип мышления, сводящий философские вопросы к вопросам историческим, и мировоззренческая установка, согласно которой признание культурно-исторической обусловленности всякой философской системы исключает возможность не только универсальных философских вопросов, но и универсальных философских ответов.

Штраус собирает воедино все основные возражения и аргументы, которые высказывались против историзма представителями различных философских течений XX в. Собственный вклад Штрауса в критику историзма заключается в том, что он убедительно показал: историзм как принцип мышления и установка в познании не может иметь *исторического* (фактического, эмпирического) обоснования. Историзм может иметь лишь философское, но не историческое обоснование. Аналогичным образом позиция историзма не может быть *опровергнута* историческими фактами, она может

быть лишь *отвергнута* во имя какого-то иного (не менее фундаментально-го, чем историзм) философского принципа. Заслуга Штрауса заключается также в анализе и сопоставлении различных версий историцистской философии, в выявлении их общего знаменателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гуссерль Э. 2005. Избранные работы. М. : Территория будущего. 458 с.
- Демин И.В. 2014. Дилемма интернализма и экстернализма в контексте реконструкции истории философии: Р. Рорти и М. Мерло-Понти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6-2. С. 71-74.
- Демин И.В. 2015а. Проблема единства истории в контексте метафизической и постметафизической философии // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. № 6 (28). Т. 2. С. 44-50.
- Демин И.В. 2015б. Различение первичной и вторичной историчности в метафизике Л.П. Карсавина и в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. «Философия. Филология». № 1 (17). С. 54-64.
- Демин И.В. 2015с. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара : Самар. гуманит. акад. 251 с.
- Демин И.В. 2016а. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии: монография. Самара : Самар. гуманит. акад. 238 с.
- Демин И.В. 2016б. Принцип историзма в философской концепции Фридриха фон Хайека // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты : сб. материалов XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во Центра развития науч. сотрудничества. С. 87-92.
- Поппер К. 1993. Нищета историцизма. М. : Прогресс. 185 с.
- Риккерт Г. 1998. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика. 413 с.
- Руткевич А.М. 2006. Политическая философия Л. Штрауса // Штраус Л. О тирании. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та. С. 7-38.
- Трельч Э. 1994. Историзм и его проблемы. М. : Юрист. 719 с.
- Филатов В.П. и др. 2007. Обсуждаем статьи об историзме / В.П. Филатов, О.В. Вышегородцева, В.С. Малахов, Н.М. Смирнова, М.А. Кукарцева // Эпистемология и философия науки. Т. 12, № 2. С. 150-162.
- Франк С.Л. 1992. Духовные основы общества. М. : Республика. 510 с.
- Штраус Л. 2000. Введение в политическую философию / пер. с англ. М. Фетисова. М. : Логос : Праксис. 364 с.
- Штраус Л. 2006. О тирании. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та. 328 с.
- Штраус Л. 2007. Естественное право и история. М. : Водoley Publishers. 312 с.
- Штраус Л. 2013. Германский нигилизм // Политико-философский ежегодник. М. : Ин-т философии РАН. Вып. 6. С. 182-205.
- Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат. 527 с.
- Janssens D. 2008. Between Athens and Jerusalem. Philosophy, Prophecy, and Politics in Leo Strauss's Early Thought. Albany : State Univ. of New York Press. 258 p.
- Norton A. 2004. Leo Strauss and the Politics of American Empire. Yale : Yale Univ. Press. 235 p.
- Pangle T.L. 2006. Leo Strauss an introduction to his thought and intellectual legacy. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press. 189 p.
- Smith S. 2006. Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism. Chicago : Univ. of Chicago press. 268 p.

Ilya V. Demin. Kritika istorizma v filosofskoy kontseptsii Leo Shtrausa [Critique of historicism in Leo Strauss's political philosophy], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 22-36. (in Russ.).

Ilya V. Demin, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and History, Samara University, Samara. E-mail: ilyadem83@yandex.ru
Article received 17.11.2016, accepted 14.12.2016, available online 01.10.2017

CRITIQUE OF HISTORISM IN LEO STRAUSS'S POLITICAL PHILOSOPHY

Abstract. The article discusses the motives and foundations of the critique of historicism in Leo Strauss's political philosophy. The major arguments suggested by Strauss against the principle of historicism are identified and put in order. All objections made by Strauss are divided into two groups. The first one includes those arguments, which challenge not the actual content of the principle of historicism, but the value attributed to it in the context of philosophical and scientific knowledge. The second group includes the substantive objections to historicism. Strauss analyzes and compares different versions of historicism's philosophy, identifies its common denominator, traces the genesis of historicism as a cultural and historical relativism. The core of any historicism's concept is the presumption of historical conditions of philosophy, and a statement of impossibility of universal answers to philosophical questions. Strauss regards historicism as the main challenge facing modern philosophy. According to Strauss, the key role in the decomposition of the classical philosophical tradition and the formation of historicism concepts belongs to the idea of progress firmly established in modern times. The question of the relationship between philosophy and history, as well as philosophical and historical types of knowledge, is crucial for understanding the essence of historicism, which formulates philosophical problems as historical-philosophical and historical ones. In understanding the relationship between philosophy and history, Strauss primarily relies on classical philosophical tradition; however, he also takes into account the experience of critique of historicism in non-classical philosophical concepts such as neo-Kantianism, phenomenology, and critical rationalism. Strauss combines all major objections and arguments against historicism proposed by representatives of various philosophical trends of the XX century. His own contribution to the critique of historicism is the substantiation of the thesis that this principle may not have historical and empirical justification, but it is a self-contradictory philosophical concept. Strauss proves that historicism cannot be refuted by historical facts and arguments; only it can be rejected due to another (but not less fundamental than historicism itself) philosophical principle.

Keywords: historicism, historicism, history, philosophy of history, relativism, classical philosophy, Leo Strauss.

References

Demin I.V. *Dilemma internalizma i eksternalizma v kontekste rekonstruktsii istorii filosofii: R. Rorti i M. Merlo-Ponti* [Dilemma of internalism and externalism in context of reconstruction of history of philosophy: R. Rorty and M. Merleau-Ponty], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 6-2, pp. 71-74. (in Russ.).

Demin I.V. *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [The philosophy of history in post-metaphysical context], Samara, Samar. gumanit. akad., 2015, 251 p. (in Russ.).

Demin I.V. *Metafizika i postmetafizicheskoe myshlenie v zerkale istoriosofii: monografiya* [Metaphysics and post-metaphysical thinking in the mirror of historiosophy], Samara, Samar. gumanit. akad., 2016, 238 p. (in Russ.).

Demin I.V. *Printsip istorizma v filosofskoy kontseptsii Fridrikha fon Khayeka* [The principle of historicism in the philosophical concept of Friedrich von Hayek], *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty : sb. materialov Kh XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Novosibirsk, Izd-vo Tsentra razvitiya nauch. Sotrudnichestva, 2016, pp. 87-92. (in Russ.).

Demin I.V. *Problema edinstva istorii v kontekste metafizicheskoy i postmetafizicheskoy filosofii* [The problem of the unity of history in the context of metaphysical and post-metaphysical philosophy], *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus*, 2015, no. 6 (28), vol. 2, pp. 44-50. (in Russ.).

Demin I.V. *Razlichenie pervichnoy i vtorichnoy istorichnosti v metafizike L.P. Karsavina i v ekzistentsial'noy analitike M. Khaydeggera* [The distinction between primary and secondary historicity in Karsavin's metaphysics and in Heidegger's existential analytics], *Vestn. Samar. gumanit. akad. Seriya «Filosofiya. Filologiya»*, 2015, no. 1 (17), pp. 54-64. (in Russ.).

Filatov V.P., Vyshegorodceva O.V., Malahov V.S., Smirnova N.M., Kukarceva M.A. *Obsuzhdaem stat'i ob istorizme* [Discuss Article about Historicism], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2007, vol. 12, no. 2, pp. 150-162. (in Russ.).

Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual Foundations of Society]. Moscow, Respublika, 1992, 510 p. (in Russ.).

Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected works], Moscow, Territoriya budushchego, 2005, 458 p. (in Russ.).

Janssens D. *Between Athens and Jerusalem. Philosophy, Prophecy, and Politics in Leo Strauss's Early Thought*, Albany, State Univ. of New York Press, 2008, 258 p.

Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history], Moscow, Politizdat., 1991, 527 p. (in Russ.).

Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*, Yale, Yale Univ. Press, 2004, 235 p.

Pangle T.L. *Leo Strauss an introduction to his thought and intellectual legacy*, Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, 2006, 189 p.

Popper K. *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism], Moscow, Progress, 1993, 185 p. (in Russ.).

Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural sciences and cultural sciences], Moscow, Respublika, 1998, 413 p. (in Russ.).

Rutkevich A.M. *Politicheskaya filosofiya L. Shtrausa* [The political philosophy of Leo Strauss], *Shtraus L. O tiranii*, St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 2006, pp. 7-38. (in Russ.).

Smith S. *Reading Leo Strauss: Politics, Philosophy, Judaism*, Chicago, Univ. of Chicago press, 2006, 268 p.

Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya* [Natural law and history], Moscow, Vodoley Publishers, 2007, 312 p. (in Russ.).

Strauss L. *Germanskiy nihilizm* [German nihilism], *Politiko-filosofskiy ezhegodnik*, Moscow, In-t filosofii RAN, 2013, iss. 6, pp. 182-205. (in Russ.).

Strauss L. *O tiranii* [About tyranny], St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 2006, 328 p. (in Russ.).

Strauss L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to Political Philosophy], Moscow, Logos, Praksis, 2000, 364 p. (in Russ.).

Troeltsch E. *Istorizm i ego problemy* [Historicism and its problems], Moscow, Yurist, 1994, 719 p. (in Russ.).